

Zink, Andrea:

Wie aus Bauern Russen wurden. Die Konstruktion des Volkes in der Literatur des russischen Realismus 1860–1880.

Zürich: Pano Verlag, 2009.

(= Basler Studien zur Kulturgeschichte Osteuropas, 18). 444 pp.

Rezensiert von: Elena Petrova

(Universität Gießen)

Монография швейцарской исследовательницы Андреа Цинк „Как крестьяне стали русскими. Конструкция народа в литературе русского реализма 1860–1880“, изданная на немецком языке в серии „Культурная история Восточной Европы“, посвящена той немалой роли, которую сыграла русская литература середины XIX века в формировании национальных стереотипов. Исследование строится на опыте, накопленном дискурсивным анализом, исторической наукой, постколониализмом и гендерными исследованиями для анализа феномена конструирования и функционирования национального самосознания, своими истоками уходящего в XIX век. Автор анализирует избранные произведения русской художественной литературы 1860–1880х годов, которые посвящены российской глубинке и ее населению, чтобы ответить на вопрос, какими стратегиями пользуются авторы для внушения реципиенту образа „единого“ русского народа.

Необходимость представления о „едином“ народе по мнению автора заложено в самом понятии нации: „Национальное наводит мосты над социальными пропастями и уменьшает расстояние в общественном положении, которое отделяет писателей от их предмета – крестьянства“ (с. 13). Исследование того, какими путями стремление национальной элиты к гармоническому единению с широкой массой населения было реализовано в литературе, не может обойтись без критического взгляда на историческую реальность того времени. В монографии этот выход за рамки собственно литературной проблематики стал возможным благодаря междисциплинарной перспективе, соединяющей литературоведческий подход с анализом историографических трудов на данную тему. Именно эта междисциплинарная укорененность – с одной стороны – в литературоведческой, и – с другой – в исторической науке делают исследование чрезвычайно ярким и оригинальным. Даже введения у книги, по сути, два: первое приближается к предмету с историографической, второе – с историко-литературной точки зрения.

Эта структура сохранится на всем протяжении без малого 450-страничной монографии. Каждый из трех больших разделов книги, посвященных соответственно темам питания, правосудия и любви в крестьянском быте, открывается подробным экскурсом в теоретические и историографические работы по данному предмету. И здесь автор не проверяет лите-

ратуру на соответствие некоей „исторической реальности“ (см. тезис о разной природе иллюзии в литературе и историографии на с. 76), тем более, что, как показывает ее исследование, литература данного периода не обладает единым подходом к национальной проблематике. Однако некоторые детали исторических исследований, посвященных крестьянскому быту XIX века, позволяют выиграть по отношению даже к самым значительным в художественном и философском отношении произведениям критическую дистанцию, разорвав круг привычного, классического прочтения.

По мнению автора, преимущество литературы как объекта исследования заключается в способности художественного текста создавать иллюзию, как бы не нуждающуюся в проверке фактами. Суть даже не в том, что сами крестьяне не были читателями текстов русского реализма и, следовательно, не могли подтвердить либо опровергнуть сказанное. Согласно Цинк, „литература – это иллюзия вне необходимости обоснования, общая по форме (воображаемое) и конкретная по содержанию без возникновения конфликта с реально существующим“ (с. 20). Эта двойственная природа литературы с ее укорененностью в воображаемом и способностью воплощать ментальные схемы предельно конкретно и позволяет увидеть за деталями описаний крестьянского быта – водкой, щами и побоями – схемы национального мышления.

Методология исследования строится на комбинации трех подходов: дискурсивного анализа, деконструкции и историографии. Отправной точкой здесь являются генеология Мишеля Фуко с ее тенденцией к исследованию дискурсивной природы власти. Национальные дискурсивные практики, несмотря на их кажущуюся безобидность и способность создавать иллюзию свободного волеизъявления, являются по мнению автора механизмом контроля над населением, объединяющего одних на основании какого-либо признака и изолирующего других (с. 63). Примечательно то, что власть посредством национальных идентификаций накладывает отпечаток не только на дух, но и на тело манипулируемых. Отсюда возникает ключевой для всего исследования вопрос: „На каких телесных практиках основывается национальное единство, какие тела маркируются как нежелательные, чужие, а какие как свои?“ (с. 65) В соответствии с такой постановкой вопроса существенными для данного исследования в методическом плане являются исследования Фуко, посвященные проблематике тюрьмы и сексуальности. Недостаток в этом ряду интересующей автора пищевой тематики дополняется теорией процесса цивилизации Норберта Элиаса.

С исследовательской установкой на критику национального мышления в литературных текстах связана также ориентация исследования на деконструкцию, несмотря на подчеркнутую „неисторичность“ декон-

структивизма. Исторический дискурсивный анализ и деконструкцию объединяет критика претензий дискурса на господство, критика логоцентризма и фаллогоцентризма (с. 68). Иерархические структуры и установка на единый, обязательный для всех смысл очевиден как факт национального мышления, создающего оппозиции „свое – чужое“. Тот факт, что для детального рассмотрения, критики и деконструкции этих схем литература реализма является довольно экзотическим объектом исследования, подчеркивается автором монографии, которая видит в этом недостаток не самого метода, но практики его применения, маргинализирующей исторические феномены за счет тотализации языковых и риторических. Применение метода деконструкции у Цинк ориентировано на его дальнейшее развитие в рамках постколониальных исследований с их интересом к феноменам дискриминации по национальному признаку и материальным аспектам колонизации и ориентализации (с. 77).

Эта комбинация достаточно сложных философских схем и аналитических практик с обилием историографических трудов, посвященных крестьянству XIX века, благодаря своей теоретической продуманности и стройности нисколько не отяжеляет исследование и анализ собственно художественных текстов. Напротив, без этого теоретико-аналитического аппарата было бы невозможно разобраться в сути того, что привносит литература середины XIX века в становление русской нации, которая на тот момент еще не существует (тезис историка А. Каппелера), но только возникает. Именно возникает, а не создается, поскольку национальный дискурс не имеет ярко выраженного центра в правительственных структурах, формулирующего национальный проект как заказ. В то же время некая спонтанность национальной мысли не мешает ей иметь направление (сверху – вниз) и носителей и агентов (с. 64). В качестве последних писатели XIX века – „поэт в России больше, чем поэт“ – оказываются на распутье, одним из направлений которого является столбовая дорога национального мышления.

Вопрос питания является центральным для крестьянской темы, поскольку крестьяне не только едят сами, но и являются главными производителями питания: зерновых и скота. „Пишущий о крестьянах должен занять определенную позицию по отношению к скоту, зерновым и их производным: мясу, хлебу и водке“ (с. 90). Рассмотрению того, какие именно позиции такого рода намечены в русской литературе XIX века посвящена отдельная, весьма обстоятельная глава. Как уже упоминалось выше, она снабжена теоретико-историографическим экскурсом по вопросам взаимосвязи питания и национальной мысли с вкраплениями литературных примеров. В этой части главы особенно обращает на себя внимание полемика автора с М. Бахтиным (с. 127–130), в частности, с его теорией карнавализма с его ярко выраженной телесностью, обжорством и пьян-

ством. Цинк ставит под сомнение антиавторитарный характер карнавального мышления и обращает внимание на его „субверсивную или консервативную позицию в совокупности сил, контролирующих питание“ (с. 130).

Эту совокупность сил, сосредоточенных вокруг правил еды и принятия алкогольных напитков, Цинк анализирует при учете экономического, цивилизационного и национального факторов. Распадающаяся на четыре части структура главы обнажает существование четырех возможных позиций. Первая из них, представленная примерами очерков В. Слепцова и Н. Успенского, рассматривает пищу и – в большей степени, водку – в совокупности экономических взаимоотношений, преимущественно не затрагивая темы национального характера. Вторая, в основном выявленная посредством оригинального прочтения романа *Преступление и наказание* Ф. Достоевского, так же мало затрагивает тему еды (герои Достоевского питаются преимущественно духовной пищей), основное внимание уделяется пьянству.

Мотив пьянства автор последовательно рассматривает на широкой палитре примеров от отдельных фигур в романе (Мармеладов, Миколка), сна Раскольников, в котором пьяные мужики до смерти забивают лошадь, и до изначального варианта заглавия романа *Пьяненькие*. Основной тезис автора касается взаимосвязи между душевной болезнью Раскольникова, темой пьянства и определения русского народного характера как фантастического. Глубина анализа и убедительность аргументации заставляют согласиться с автором, что касается наличия в романе Достоевского комплекса, связующего алкоголизм с понятием „русского“ (с. 170). И здесь, и в следующих разделах монографии заметно подчеркивается роль произведений Достоевского в создании стереотипа „возвышающего страдания“, возрастающего до статуса квинтэссенции русского национального мышления. В этой связи можно говорить даже о центральной роли анализа произведений Достоевского для монографии в целом.

Третий вариант рассмотрения пищевой тематики также окрашен национальной темой, но, по сравнению с метафизическим определением русского у Достоевского, не столь аскетичен. В романе П. Мельникова *В лесах* и повести Н. Лескова *Железная воля* в картину противоречия между питающимся на западный манер дворянством и голодающим крестьянством вводится третий – купечество, обильно питающееся и пьющее. Заслугу Лескова и Мельникова автор монографии при этом видит в том, что они не пытаются стилизовать русский народ в парадигме здорового отказа от пищи и аскетизма (с. 189), метафорически закрепляя за ним способность жертвовать собственным благосостоянием, что на руку любой тирании. Четвертый, и последний вариант интерпретации пищевой проблематики, рассмотрен на примере повести Н. Успенского *Издалека и*

вблизи и романа Л. Толстого *Анна Каренина*. Анализ романа Толстого поворачивает его необычным ракурсом тесной взаимосвязи между вопросами питания, брака и национального быта. Фигура Левина, ищущего в деревенском быте и физической работе идеал одновременно здорового и русского бытия корреспондирует при этом с теорией Н. Энгельгарта, сформулированной им в *Письмах из деревни*. В шах и каше, по которым Левин скучает в Москве, автор монографии видит конкретное выражение тяги к феодальному быту, земле и физическому труду для удовольствия барина. Метко подмечен Цинк противопоставленный этому идеалу декаданс Анны Карениной и Вронского, которые по ходу романа все более теряют аппетит (с. 203).

Вопросы правосудия, которым посвящен следующий раздел монографии, в не меньшей степени подвержены вариативности в отношении к национальному вопросу. Заголовок вводной главы можно с равным правом перевести на русский и как „власть“, и как „сила сострадания“. Теория сострадания как эмоции, объединяющей жертв и палачей, и как механизма выражения властных отношений по Фуко дополнена здесь анализом российской специфики, состоящей в особом статусе российского крестьянства, в отношении которого продолжают существовать телесные наказания. Одним из самых интересных тезисов главы является констатируемая в художественной литературе односторонность в восприятии крестьянского правосудия: избиваемые мужики крупным планом при избегании темы мужиков избивающих, жестокого деревенского самосуда и драк (с. 222).

В качестве другого фактора правосудия в России, немало повлиявшего на национальное самосознание, автор приводит Сибирь как место ссылки и некое идеальное пространство русской культуры, в котором происходит моральное перевоплощение героев. Исследовательская точность заставляет автора монографии констатировать тот факт, что „речи о душе и чувствительность писателей в лагерной литературе 1870х годов имеет свои пределы“ (с. 244), но в качестве общей тенденции консолидация нации „в несчастье“ находит свое отражение в текстах художественной литературы.

В аналитической части этой главы особняком стоит разбор повести *Леди Макбет Мценского уезда*. Образ Катерины явно не вписывается в рамки национального мышления, о чем и свидетельствует резюме автора в конце главы с констатацией отсутствия признаков национальной солидарности и общности в тексте (с. 255). Непомерность преступления и трезвость рассказа о нем у Лескова контрастируют со свойствами текста, анализируемого во следующей главе – *Записок из мертвого дома* Ф. Достоевского. Доминантой текста, установленной исследовательницей исходя из его анализа, является утверждение рассказчика Горчакова о том, что преступление для русского – несчастье, прощаемое народом за понесен-

ное преступником наказание (с. 255). В свете этой идеи повествование фокусируется на подробностях понесенного наказания, причем причины, повлекшие его за собой, остаются в тени. Страдание ради страдания, готовность пострадать возводится рассказчиком Горчаковым в статус национальной добродетели. Однако, по мнению автора монографии, есть в *Записках* и место, деконструирующее этот миф и работающее тем самым против высказывания текста в целом. Речь идет о вставном повествовании об Акулькином муже, написанное в сказовой манере. В рассказе жертва и ее палач не меняются местами, подчиняясь логике преступника-страдальца, а остаются самими собой (с. 270).

Следующие две аналитические главы также работают по принципу контраста. Анализируемые в первой рассказы А. Левитова, В. Слепцова, Николая и Глеба Успенского дают отчет о юридических расприх в русской деревне, расправах и неравномерном распределении общинных ресурсов. Текст, разбор которого дается в следующей главе и завершает тему деревенского правосудия – *Крестьяне-присяжные* Н. Златовратского – рисует картину безупречной нравственности и морального чутья крестьян-присяжных на городском суде. Идиллические картины деревенского общинного и семейного быта противопоставлены здесь городским нравам. Установление поверх этих контрастов общественной гармонии не является целью Златовратского, но, согласно утверждению Цинк, автор создает в своем произведении некую модель для национальной идентификации, построенную на идеалах христианской любви к ближнему, сочувствия к несчастному и прощения преступников (с. 297), удобное для впечатлительного читателя из столичного далека.

Третий, последний раздел книги под заголовком „Любовь“ представляет собой не одну тему, а конгломерат подтем морали, брака, проституции и женского равноправия. Такое разнообразие достаточно самостоятельных тем могло бы создать ощущение хаоса в тексте, если бы не свободная, легкая манера письма Цинк, еще в предыдущих разделах монографии создающая впечатление гладкости и связности анализа. Вступительная глава дает внимательный и взвешенный анализ национально окрашенных идеалов материнства, жертвенности и сексуальной умеренности в свете современных гендерных теорий. Амбивалентность этого анализа, умение открыть за идеализацией – эксплуатацию, а за кажущимся бесправием крестьянок их моральную и сексуальную независимость, большую, чем у их городских сестер, находит свое продолжение и в главах, посвященных анализу отдельных художественных произведений, среди которых особое внимание обращает на себя глава, посвященная теме проституции в русской литературе данного периода.

Благодаря своему тщательно подобранному корпусу текстов книга Цинк может служить гидом по крестьянской теме в русской литературе

XIX века, не претендующим на исчерпывающее рассмотрение проблематики. Возможность углубления анализа, привлечения к нему других текстов и рассмотрения пограничных тем очевидна для этой монографии, в тексте которой с четкой структурой аргументации соседствует множество интереснейших маргинальных наблюдений, своеобразных закоулков и проселочных троп литературного крестьянского быта. Для ознакомления с этими многочисленными деталями исследования широкого русскоязычного читателя можно только пожелать полной или частичной публикации исследования на русском языке.

Автору монографии, сознательно избегающей попадания в „фарватер славянофилов, западников и религиозных философов“ (с. 29), удалось создать детальный очерк становления русского национального мышления в литературной среде. А если намечен исток, начало возникновения феномена, он теряет свое вневременное обоснование в априорном и исконно-русском и предстает в своем сконструированном и преходящем аспекте. С этой точки зрения монография Цинк является существенным вкладом в аналитику и деконструкцию стереотипов русского национального мышления, которые, по мнению Цинк, можно пересматривать, менять и от которых возможно отказаться (с. 413).